

Цзи Ушуан дочитал написанные кровью слова, и контур его ногтя оставил на краю стола едва заметную царапину.

Он не стал отдавать приказ схватить преступника немедленно и не позволил Императорской гвардии приближаться к Сяо Цзинхэну.

Сяо Цзинхэн по-прежнему стоял на коленях у подножия императорского трона, застарелые шрамы на его запястьях ещё не поблекли, а из рукава только что извлекли обломки Колокольчика Успокоения Души. Он опустил взгляд и смиренно притворялся, будто и впрямь ничего не знал, а лишь был введен в заблуждение собственными слугами.

И тем сильнее было желание заставить его выложить козыри из рукава.

Цзи Ушуан опустил взгляд на него, и его голос звучал так холодно, что от него леденело на сердце:

— Дорогой дядя проделал столь долгий путь до столицы, неужели он явился с поздравлениями лишь ради того, чтобы привезть с собой горстку мерзости?

Сяо Цзинхэн поднял голову, и в глубине его глаз мелькнула едва заметная тень прощупывания почвы.

— У вашего покорного слуги недостает проницательности, и изначально я не смел снова позориться, — он медленно сложил руки в почтительном поклоне. — Однако в моем поместье подготовили южный танец благословения — специально, чтобы поздравить Божественного Владыку с мирным здоровьем. Если Вашему Величеству это не претит, я бы хотел преподнести его в дар.

Се Чанфэн, обнимая блюдо с личи, услышал слова танец благословения, и у него внутри тут же всё сжалось в узел.

То, как этот дядька смотрел на него, было совсем не похоже на благословение.

Скорее, как мясник смотрит на мясо на разделочной доске, да еще и с ухмылкой спрашивает, жирное ли оно.

Цзи Ушуан даже не обернулся и лишь холодно бросил:

— Показывайте.

У Ли Дэцюаня на спине напрягся каждый мускул, он поспешно взмахнул рукой, приказывая еще раз тщательно проверить музыкальные инструменты и танцевальные наряды. Евнухи перевернули вверх дном барабаны, флейты и подставки для светильников, но не нашли ни кинжалов, ни колокольчиков.

Один из советников Сяо Цзинхэна в сером халате опустил руки, стоя совершенно неподвижно. Если не приглядываться, никто бы и не заметил, как его кончики пальцев легонько скользнули в рукаве.

Как только зазвучали барабаны, двенадцать танцовщиц с юга одна за другой вплыли в тронный зал.

Они ступали босыми ногами по золотым плитам пола, подола их платьев взметались в водовороте, а широкие рукава напоминали облака. Придворные по очереди зажигали светильники в зале, и ярко-желтые язычки пламени отражались в серебряных украшениях, создавая видимость искреннего ритуала благословения.

Но Се Чанфэн уставился на их манжеты.

Там блестела серебряная нить.

Тонкая, как волосок, она пряталась в алых шелках и при каждом движении танца то вспыхивала на свету, то снова скрывалась в тени.

Горло Се Чанфэна сжалось.

Эта штука похожа на иглу.

Почему люди во дворце так любят совать ему под нос всякие тонкие и острые пакости?

Он тут же сунул блюдо с личи прямо в руки Ли Дэцюаню, перебрался за спину к Цзи Ушуану и вцепился пальцами в подол императорского халата.

Плечи и спина Цзи Ушуана мгновенно напряглись, он скосил на него взгляд и спросил:

— Что такое?

Се Чанфэн опустил голову, приглушив голос до мягкого и невнятного бормотания:

— Колет, больно.

Эти два слова прозвучали отчетливее, чем грохот барабанов по всему залу.

Во взгляде Цзи Ушуана зародилась и начала расползаться ледяная стужа.

Танцовщицы уже выстроились полукругом, и их ступени точно соответствовали двенадцати земным ветвям. Огонь в светильниках качнулся от движения их рукавов, и язычки пламени один за другим наклонились в сторону, где стоял Се Чанфэн.

Уголки губ советника в сером уже начали приподниматься в ухмылке, когда с императорского трона донеслось:

— Запечатать дворец!

Императорская гвардия сработала молниеносно: двери зала с грохотом захлопнулись, а лязг обнажаемых длинных мечей заглушил ритм барабанов.

Танцовщицы замерли на месте, улыбки еще не успели сойти с их лиц.

Сяо Цзинхэн слегка нахмурился:

— Ваше Величество, танец еще не окончен. Быть может, Божественный Владыка еще мал и пуглив, к чему же запечатывать дворец?

Цзи Ушуан обернулся, заслонив собой Се Чанфэна еще надежнее:

— Раз Я сказал, что он испугался, значит — испугался.

Он поднял руку, указывая на центр зала:

— Ищите. Танцовщицы, музыканты, подставки для светильников, полости барабанов — не пропустить ни единого уголка.

Гвардейцы тут же бросились вперед.

Когда манжету первой танцовщицы распороли, оттуда вытащили отрезок серебряной нити. К концу нити был привязан кровавый талисман размером с рисовое зернышко, и едва на него подул ветер, как от поверхности повалил слабый черный дымок.

Чиновникам Тайчансы хватило лишь одного мимолетного взгляда, чтобы их лица полностью изменились.

— Ваше Величество, это вовсе не благожелательный талисман, а узы, запирающие душу.

Едва в зале поднялся ропот чиновников, как из рукава второй танцовщицы тоже извлекли серебряную нить. Следом за ней — у третьей, у четвертой, пока не проверили подкладку нарядов всех двенадцати девушек.

Каждый отрезок серебряной нити тянулся к кровавому талисману.

Ли Дэцюань лично повел людей разбирать подставки для светильников и очень скоро извлек тонкую бумагу из оснований четырех дворцовых ламп. На этой бумаге были начертаны позиции заклинания, тушь еще не высохла, а в самом центре магического круга значились не кто иные, как дата и час рождения Се Чанфэна.

У Се Чанфэна затылок покрылся мурашками от увиденного.

Он сам уже почти забыл собственный гороскоп,

а эти люди запомнили его во всех деталях.

Гвардейцы разрубили пополам большой барабан и содрали с внутренней стенки цельную карту заклинания. Поверх нее прижималась бронзовая печать со следами искусственного старения — вырезанный на ней узор точь-в-точь повторял старую печать Поместья генерала, защищающего государство.

Младший министр Цзунчжэньсы взял ее в руки, проверил и опустился на колени:

— Ваше Величество, это поддельная печать. Если бы заклинание сработало, все следы обратного удара указали бы на древние техники клана Се.

Се Чанфэн опустил голову, мысленно выругавшись про себя: до чего же мерзко и изощренно.

Мало того что они покушаются на его судьбу, так еще и пытаются всё свалить на клан Се.

Мягкое выражение на лице Сяо Цзинхэна немного померкло, но он по-прежнему держал себя в руках:

— Этот вонзил не сведущ в южных чарах. Данный танец закупали музыканты моего поместья, должно быть, кто-то воспользовался моим именем, чтобы навредить Божественному Владыке и Поместью генерала, защищающего государство.

Цзи Ушуан перевел взгляд на стоявшего за его спиной советника в сером.

— Люди из окружения дорогого дяди и впрямь слишком охотно позволяют собой пользоваться.

У советника на лбу выступили капли пота, он тут же рухнул на колени:

— Да будет Ваше Величество проницательно, я лишь выполнял приказ князя и занимался подготовкой праздничных даров, а о внутренней подоплеке ничего не ведаю!

Се Чанфэн тихонько вжался в спину Цзи Ушуана еще на полшага.

Ишь чего! Он ни капли не верит.

Этот тип только что разглядывал расположение светильников так, будто смотрел на рыболовную сеть, готовую захлопнуться.

В этот самый момент все светильники в тронном зале в один миг потускнели.

Разорванные серебряные нити вдруг зашевелились сами собой, безо всякого ветра, и на

кровавых талисманах вспыхнули крошечные искры. Краски мгновенно сошли с лиц двенадцати танцовщиц, словно нечто вытянуло саму жизнь прямо из их груди.

Первой рухнула та, что стояла впереди.

Следом за ней одна за другой потеряли сознание и остальные одиннадцать девушек: на их запястьях чернели кровавые следы, а с губ сочилась темная кровь.

Советник в сером схватился за грудь, его качнуло, и он, рухнув на землю, изверг изо рта целый фонтан крови.

Кровь брызнула на золотые плиты пола, испуская едкий белый дым.

После такого никто из чиновников в зале уже не осмелился бы заикнуться о случайности.

Пальцы Сяо Цзинхэна сжались в кулаках до побелевших костяшек.

Цзи Ушуан неспешно сошел с императорского трона и остановился прямо перед советником в сером:

— Откат заклинания узлов души в первую очередь калечит того, кто его вершил. Ты всё еще смеешь утверждать, что ничего не знаешь?

Советник в сером поднял голову, его губы зашевелились, но изо рта снова хлынула кровь, и он уже не мог вымолвить ни единого членораздельного слова.

Цзи Ушуан не стал допытываться дальше.

Даже если такой человек заговорит, он станет выгораживать лишь назначенных козлов отпущения.

Он повернулся лицом к заполнившим зал императорским родственникам и сановникам, и его ровный, уверенный голос придавил всех тяжестью, от которой трудно было вдохнуть:

— Регент преподнес у алтаря нечистые дары, потревожил покой Божественного Владыки и укрыл злодейское заклинание. С этого часа Сяо Цзинхэн остается в столице дожидаться судебного разбирательства. Почтовая станция будет взята под стражу Императорской гвардией, а всех его спутников допросят поодиночке.

Сяо Цзинхэн поднял глаза:

— Ваше Величество подозревает меня в покушении на Божественного Владыку?

— Я лишь прошу дорогого дядю содействовать расследованию, — холодно глядя на него,

произнес Цзи Ушуан. — Если вы чисты перед законом, чего же вы боитесь?

Сяо Цзинхэн на мгновение умолк, а затем почтительно сложил руки в поклоне:

— Как прикажете, Ваше Величество.

Когда он склонил голову, его вид был донельзя послушным, словно у несправедливо обиженного добродетельного князя. Но Се Чанфэн заметил, как его ногти под рукавами впились в собственные ладони.

Императорская гвардия увекла танцовщиц и советника, и продолжать пиршество уже не было никакой возможности.

Ли Дэцюань поспешно выступил вперед:

— Ваше Величество, Божественный Владыка сегодня сильно испугался, быть может, изволите сперва вернуться во Дворец Чанмин и отдохнуть?

Се Чанфэн тут же закивал.

Да, вернуться.

Он больше не желал видеть никаких княжеских даров и танцовщиц, приносящих благословения.

Цзи Ушуан уже собрался дать согласие, как вдруг снаружи донеслись торопливые шаги.

Один из слуг Поместья генерала, защищающего государство, был введен гвардейцами в тронный зал. Весь его облик был покрыт пылью долгих дорог, к подолу одежды прилипла замерзшая грязь, и едва переступив порог, он тяжело рухнул на колени.

У Се Чанфэна внутри всё оборвалось.

Это был старый слуга, который много лет служил его отцу.

Слуга поднял глаза, увидел Се Чанфэна, и его веки мгновенно покраснели:

— Ваше Величество! Божественный Владыка!

Цзи Ушуан глухо бросил:

— Говори.

Слуга ударил лбом о пол, и его голос сорвался на хрип:

— Старый генерала на Северных границах при сопровождении продовольственного обоза попал в засаду, обоз рассеян! О судьбе старого генерала сейчас ничего не известно!

<http://bllate.org/book/19343/1891458>